

бы, ему нет места в культуре постмодерна, однако парадокс состоит в том, что без него не может существовать ни одно общество» [14]. От выживания человека-труженика в физическом и в культурном смысле зависит выживание России.

Стремление «силовыми», вплоть до смертельного исхода, методами проводить реформы в сфере труда и производства по образцу развитых капиталистических стран, очевидно, противоречит социальной природе хозяйственного развития российской цивилизации. Запредельно низкое физическое и моральное самочувствие нации, признающей труд важнейшей социальной ценностью, показывает, что «ампутация» труда в ходе реформ убийственна для народа. У нас нет оснований для исключения проблем труда из современного философского дискурса. Восстановление труда как социальной ценности и философского статуса категории *труд* надо признать делом первостепенной важности для ученых и политиков России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Л. От «перестройки-1» к «перестройке-2» (1985-2005 гг.) // Москва. 2005. № 1. С. 132.
2. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М.: Алгоритм, 2002. С. 161, 327.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 220, 230-232.
4. Ивин А. А. Философия истории. М.: Гардарики, 2002.
5. Чуринов Н. М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции / Теория и история. 2003. № 3. С. 54.
6. Марцева Л. М. Труд в контексте российской цивилизации: социально-философский аспект: Монография / ОмГУПС. Омск, 2002. С. 87.
7. Соколова Г. Н. Занятость и безработица в условиях рыночной модернизации // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 78.
8. Сироткин В. Г. Россия: геополитическая аномалия? (из истории двух аномалий XVIII-XXI вв.) // Личность. Культура. Общество. М., 2004. Т. VI. Вып. 3 (23). С. 141.
9. Дерябина М. Приватизация в постэкономическую эру // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 9.
10. Лосев А. Ф. Философия имени / Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 132-135.
11. Ивин А. А. Теория аргументации. М.: Гардарики, 2000. С. 41-42.
12. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000-й. М.: Политиздат, 1992. С. 34.
13. Глазьев С., Аюмова З. Россия и ВТО: преимущества и потери // Наш современник. 2005. № 2. С. 203.
14. Зарубина Н. Н. Кто будет работать в России? // Москва. 2003. № 4. С. 162.

*Людмила Анатольевна КЕЛЕМАН —
доцент кафедры политологии и социологии
Ставропольского государственного университета,
кандидат философских наук*

УДК 130.3

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ» И «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема взаимоотношений между понятиями «интеллигентность» и «интеллигенция». Делается вывод о том, что интеллигентность задает основные нравственно-этические параметры русской (российской) интеллигенции.

The author scrutinizes the deviations and similarities between the notions of «refinement» and «intelligentsia» and concludes that refinement predetermines basic ethic behavioral parameters of Russian intelligentsia.

Модернизационные процессы, происходящие в современной России, инициировали оживление вопроса о российской интеллигенции как носителе и источнике особого духовного качества интеллигентности. При этом, как правило, ссылаются на то, что в России под интеллигенцией понимается нечто большее, чем социальная группа или образованный слой общества, что она представляет собой «нечто единственное в современной европейской культуре» [1; 27], «совсем особое, лишь в России существующее духовно-социальное образование» [2; 57]. «Интеллигенция есть этически-антимещанская, социологически-внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [3; 80]. То есть понятие «интеллигенция», обозначая слой образованных людей России, в качестве исходных координат фиксирует не только социальную, но и духовную сущность.

При этом само определение духовной сущности отличалось и отличается колоссальным разбросом мнений по поводу ее внутреннего качественного содержания. Но независимо от того, ругают ли интеллигенцию за безответственность, самомнение, фанатическую нетерпимость или возводят в ранг нравственного эталона, отечественные мыслители практически исключают из числа интеллигентов людей, отвечающих «социологической» части определения интеллигенции, но не имеющих яркой индивидуальности, характеризующихся «узким и плоским» мировоззрением, «внутренней казенщиной», проявляющейся в инертности мысли и консервативности чувств. «К интеллигенции не принадлежат самые разнообразные «культурные люди» и «умственные работники», начиная с какого-нибудь конторщика, проходя через профессора и академика... и кончая каким-нибудь первым министром — если все они не обладают основными этико-социологическими запросами» [3; 146]. Людей подобного типа, представляющих собой полную противоположность интеллигенции, Н. А. Бердяев называл «интеллигентщиной», Р. В. Иванов-Разумник — мещанами.

То есть в связке социальное — духовное в качестве главной характеристики российской интеллигенции выделяются духовные: мировоззренческие, религиозно-духовные, этико-психологические культурно-личностные признаки. «К интеллигенции могут принадлежать и физические и умственные рабочие, и «культурные» и «некультурные» (в вышеуказанном смысле) люди, и ученые профессора, и полуграмотные рабочие, если все они удовлетворяют некоторому социально-этическому критерию» [3; 147].

Традиция сопряжения социологического подхода к «интеллигенции» с определенным этическим смыслом, как указывает С. О. Шмидт, восходит к XVIII — XIX вв., при этом он апеллирует к мнению В. А. Жуковского, определяющего интеллигента как человека с европейской образованностью и с нравственным поведением [3; 218]. Акцент на интеллигенцию как носителя общечеловеческих ценностей преобладает и в статьях философов и общественных деятелей начала XX в. [4]. Даже те исследователи, которые видели в интеллигенции не духовную элиту, а особую общественную группу, профессионально занимающуюся квалифицированным умственным трудом, указывали на обязательную сопряженность умственного труда с особой духовностью. «Добавьте к качествам специалиста особую нравственную впечатлительность, ранимость, отзывчивость на общие социальные проблемы — и вы получите интеллигента в русском значении этого понятия», утверждает А. Панарин [5; 120]. Концентрированным выражением по-

нимания особой духовности, свойственной российской интеллигенции, является «идеология универсальной моральной ответственности», включающая в себя обостренное чувство общечеловеческого благоденствия, острейшего неравнодушия к несовершенствам жизни и всегда активной жизненной установки [6].

Подобная традиция осмысления интеллигенции как специфического духовно-социального явления, как духовной элиты общества, как совокупности духовно-избранных людей, как аристократии таланта и творчества, имела в своем основании не только чрезмерный идеализм и эмоциональность исследователей данной проблемы, но, по мнению О. Н. Козловой [7], явилась результатом сочетания культуротворчества с социотворчеством в осмыслении социально-классового статуса образованного слоя России.

Представляя собой особый «отряд» людей, профессионально занятых производством духовных ценностей, интеллигенция не «вмещалась» в прокрустово ложе сословного деления, существовавшего в России вплоть до XIX в. Поскольку наиболее явным индикатором несоответствия выступало несоответствие социального статуса и профессиональной функции, постольку разрешение данного рассогласования требовало, прежде всего, восстановления соответствия статусного и функционального пространств. Отсюда установление новой структуры порядка, нормативно-мерного упорядочения нового «социального тела», изначально должно было осуществляться в рамках классовой идентификации: по социально-экономическому основанию, а лишь затем, как следствие, в рамках культурной идентификации: по профессиональным, образовательным и идеологическим отличиям.

Но дело в том, что слой российской интеллигенции исторически складывался как социально маргинальный слой. К нему принадлежала немногочисленная, но занимавшая главенствующее место (вплоть до 40-х гг. XIX в.) дворянская интеллигенция и превосходящая по численности интеллигенция из недворянских, непривилегированных слоев общества — разночинная интеллигенция, внутри которой существовали статусные различия, так как она формировалась из различных слоев общества. Образование могли получить ремесленники, купцы, солдатские дети, отцы которых, уходя на службу в армию, освобождались от крепостной зависимости, дети священников, не унаследовавшие приходы своих отцов, в силу многодетности семей. В таких условиях объединяющим началом выступали не общие классовые интересы, их просто не могло быть, а высокая степень образованности.

Подобная социальная неоднородность, являющаяся следствием формирования нового социального слоя в условиях классового разделения и объединяющая в силу этого в себе все импульсы, заполняющие социальную сферу общества, обусловила и небывалую «широту» мировоззренческого поведения российской интеллигенции в ее попытках понять собственную природу и определить собственную миссию. Ситуация осложнялась тем, что развитие самосознания российского интеллигента формировалось не только под воздействием традиционно российской коллективистской психологии и идеологии, но и под влиянием установок и идей, пришедших в Россию с Запада вместе с идеями научно-просветительского толка, зачастую до конца неосознанных и автоматически воспринятых.

На эту особенность указывал Д. С. Лихачев, подчеркивая, что помимо идей просвещения, в Россию пришли и научные идеи, и основанное на них критическое, систематическое мышление, и философские системы, что способствовало соединению университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением. Эти мотивы и модели поведения, лежащие в основе западных концепций, основанных на рационально построенных и логически осмысленных идеологических системах, дополнялись представлениями и

верованиями, традициями, ценностными установками, имплицитно содержащимися в сознании тех социальных слоев, из которых рекрутировался образованный слой российского общества [8; 6].

Эти два встречных потока и обусловили сложный и противоречивый облик российского интеллектуала — интеллигента, в результате чего и произошло наложение и смешение рамок социально-классовой и культурной идентификаций. «Сочетание разума, стремящегося к познанию абсолютной истины, и сердца, жаждущего социальной справедливости» [9; 57], предопределило осмысление концепта «интеллигенция» не только как определенной социальной, но и культурной среды, что изначально содержало в себе смешение понятий разных планов: социального, профессионального, этического и психологического. Поэтому «границы» интеллигенции определялись не только жестко заданными социальными и экономическими различиями, но и «мягко» очерчивались сознательными усилиями — самосознанием, интеллектуальной рефлексией, тех самых социальных групп, которые пытались самоопределиться в социальном и культурном пространствах и которые в силу самих этих усилий оказывались носителями общественного сознания. А поскольку социальные параметры не имели четкого и определенного социального статуса, постольку определение интеллигенции дополнялось, а в определенные моменты замещалось специфическим нравственно-этическим содержанием. Это осознание себя в качестве «разумного духа и высшего сознания» и повлияло на созданный ею конструкт понятия «интеллигенции», отличающийся абсолютизацией и идеализацией собственной нравственно-этической составляющей. Осознание же своей принадлежности к избранным явилось оправданием права «создавать идеалы, на основании которых самосознание общества развивается дальше» [10; 146].

В результате этого «понимание интеллигенции как наиболее образованной, наиболее развитой, наиболее благородной, наиболее талантливой и творческой части общества» [11; 70] постепенно вытесняется пониманием интеллигенции как носителя народного самосознания, субъекта исторического самосознания народа, а ее нравственно-этическая характеристика (интеллигентность) рассматривается не только как специфическое свойство российской интеллигенции, реализующееся в ее идейно-политической и социально-культурной жизни, но и как некий общественный (народный) идеал. Отсюда и происходит традиция выведения понятия интеллигентности как сущностного признака интеллигенции, как совокупности свойственных российской интеллигенции нравственно-этических качеств, имеющих общественную значимость.

Но при таком подходе интеллигентность предстает как социально-психологическое явление, ориентированное, в первую очередь на сознание человека. Интеллигентность — это свойство людей обладать особым духовным миром и духовными потребностями, это способность ценить и уважать духовный мир другого человека, может быть, и очень непохожий на собственный [8]. Следует отметить, что такой подход в целом отражает не только мировоззренческие предпочтения участников дискуссии об интеллигенции и интеллигентности, но отражает особенность российской национальной духовной традиции, в развитии которой вопросы этики играли особо важную роль, в чем, как нам представляется, и содержатся глубинные мировоззренческие причины идеализации нравственно-этической составляющей в определении интеллигенции, и интеллигентности.

Даже занимаясь областями далекими от этики, русские философы никогда не упускали из поля зрения вопросы связи между предметами их исследований и этическими проблемами. Вследствие чего этика оказывается и онтологией, и философией, и историей, и социальной философией. Поэтому русская философия

постигала себя и утверждала свою бытийность в осмыслении «человеческого содержания мира» [11], который в принципе не может быть познан силами одного только разума, а предполагает использование и интуитивно-умозрительных методов, выражающихся в интеллектуальной интуиции.

Отвергая возможность подлинного познания на основе субъект-объектной установки, свойственной западной традиции, большинство русских мыслителей считали, что проникнуть во внутреннюю реальность предмета возможно лишь посредством целостного вхождения познающего человека в существующее, поскольку сознание по своей природе является производным от бытия и находится внутри него. Поэтому к постижению бытия ведет не внешний путь, ибо он дает внешнее знакомство с действительностью, к тому же ограниченное данным моментом восприятия, а путь самопознания индивида. Разум при этом включается в систему всеохватывающего интуитивно-эмоционального (сердечного) познания как необходимая, но не высшая форма постижения. Мышление представляет собой лишь идеальную связь между «Я» и бытием, реальной связью выступает сама жизнь.

Поэтому выражение окончательной и полной истины русский дух усматривает не в логической очевидности и логических взаимосвязях, критерием истины для него является «живознание», как единство знания и жизни в их высшем понимании. Отсюда и проистекает то, что русская философская мысль предстает как «художественная и моральная исповедь и проповедь, политический памфлет и разоблачение, религиозное и социальное пророчество и воззвание, сплошная тревога и набат» [6; 512], отсюда и проистекает понимание истины как конкретно онтологического, живого знания, трактуемого в категориях «добро», «норма», «должное».

Увидев ценностные начала человеческого бытия не в познающем разуме (пусть и мировом), а в божественной духовности, русские философы показали глубинную взаимосвязь и органическое единство нравственных качеств человека, раскрыли в интеллигентности ее духовное содержание как внутреннюю основу общечеловеческого всеединства.

Но эта же традиция духовности русской философской мысли привела к ограничению, замкнутости определения интеллигентности рамками лишь этико-нравственных качеств, что обедняет и искажает его сущность, лишая его таких составляющих, как умственная развитость, подготовленность к пониманию и усвоению теоретических вопросов, совокупность которых и составляет сущность качества интеллигентности, восходящего к латинскому «*intellegentia*», означающему «понимание», «рассудок», «чувственное познание» и «искусство». Такой подход делает понятие «интеллигентность» не только «однобоким», но и категориально неуловимым, поскольку в вопросах конкретизации нравственно-этической составляющей мы сталкиваемся с колоссальным разбросом мнений и их внутренней противоречивостью.

По мнению К. З. Акопяна, категориальная неуловимость «интеллигентности» является также следствием несостоятельности самой попытки выведения интеллигентности из бытия русской интеллигенции, так как понятие «*intellegentia*» не выражает суть российской интеллигенции, а изначально задает ее, выступает в роли семантического полюса, вокруг которого осуществляется интеграция ассоциативных рядов, подменяющих действительность. В этом случае образ навязывает реальности свою логику, в силу чего сама реальность теряет идентификацию своего значения с действительностью, теряет ощущение реальности, а выступает, пользуясь терминологией Бодрийяра, симуляцией реальности (Бодрийяр. Симулякры и симуляции. 1981). Как подчеркивает К. З. Акопян, именно качество «*intellegentia*», заявленное русской (российской) интеллигенцией в качестве соб-

ственного определяющего признака, обусловило ее притязания на особую нравственную суть и привело к тому, что понятие «интеллигентность» как понятие, фиксирующее интерес разума к окружающему миру, стало рассматриваться как особенное отличительное качество социального слоя интеллигенции.

Поэтому, выводя понятие «интеллигентность» только из бытия русской интеллигенции, мы, тем самым, во-первых, изначально допускаем и соглашаемся с тем, что «интеллигентность» будет содержать в себе не прямое отражение действительности — реального бытия русской интеллигенции, а образ, абстракцию, являющуюся результатом ее специфического имянаречения.

Во-вторых, ограничиваем право и возможность интеллектуального и эмоционального осмысления внешнего мира рамками определенного социального слоя — интеллигенции. В таком случае российская интеллигенция должна представлять собой монолитный слой высокоинтеллектуальных людей с обостренным чувством социальной справедливости, большой совестью, нравственно идеальных, сострадающих и видящих свою главную цель в служении народу. Но подобное допущение не соответствует реальности, следовательно, мы должны признать, что данное качество не может быть сопряжено с целым социальным слоем интеллигенции. Поэтому интеллигенция не может рассматриваться как «причина» интеллигентности [12].

Но мы должны признать и то, что отдельные представители интеллигенции могут быть и действительно являются носителями «идеологии универсальной моральной ответственности». Однако из этого вовсе не следует, что интеллигентность может быть рассмотрена как совокупность качеств бытия отдельных интеллигентов.

Методологическое обоснование несостоятельности ограничения качества интеллигентности бытийными рамками как российских интеллигентов, так и интеллигенции в целом мы находим у В. Г. Ледяева. По его мнению, при таком подходе мы имеем дело с одним и тем же механизмом перемещения акцентов с концептуального анализа на анализ эмпирических и исторических фактов бытия интеллигенции, в результате чего концептуальные проблемы решаются на уровне этического рассуждения, а этические проблемы превращаются в концептуальные [13]. То есть эмпирические характеристики отдельных групп интеллигенции или отдельных интеллигентов, получая статус нормативного «должного», возводятся в ранг обязательного и становятся отличительным признаком понятия, обозначающего данную группу людей. В результате этого стоящее за словом понятие утрачивает объем обозначаемых предметов (денотат) как онтологический гарант семантической определенности, единственным референтом остается десигнат, возводящий предметное значение в идеальный конструктор, что приводит к трансформации «интеллигентности» из понятия в некий идеал, достижение которого желаемо, но вряд ли осуществимо.

Итак, понятия «интеллигенция» и «интеллигентность» действительно находятся в отношениях причинно-следственной зависимости. Но не российская интеллигенция является причиной интеллигентности, а наоборот, интеллигентность, заявленная в качестве основного признака «класса» (социальной группы), во многом предопределила претензии интеллигенции на ее особенную нравственную суть. В этом смысле «интеллигентность» имплицитно содержится в «интеллигенции», но не сводится к ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов А. В. Русский менталитет и русская интеллигенция // Образование и культура Северо-Запада России. Вып. 6. СПб., 2001.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992.

3. Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.
4. См.: Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. М., 1902; Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч. СПб., 1909, 1911. Т. 7-9; Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
5. Панарин А. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: Изд-во «Эдиториал УРСС», 1998.
6. См.: Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 314-317.
7. См.: Козлова О. Н. Интеллигенция в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. № 1. С. 162-174.
8. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2.
9. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
10. Шалкаускис С. Концепция интеллигенции / Сокращенный пер. с лит. языка // Социология личности. Вильнюс, 1989.
11. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
12. См.: Акопян К. З. Русская интеллигенция: многоликость и уникальность // Поиск смысла: Сб. ст. Н. Новгород, 1994. С. 43-71; Соль земли? Интеллигенция как феномен русской культуры // Человек. 1995. № 6. С. 53-63; 1996. № 1. С. 39-51.
13. Ледаев В. Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир (Иваново). 2001. № 1.

*Равиля Узбековна СЕМЕНОВА —
доцент кафедры социально-политических
дисциплин Института экономики,
управления и права (г. Казань),
кандидат философских наук*

УДК 32 (075.8)

М. ВЕБЕР: ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЭТИКА УБЕЖДЕНИЙ (к вопросу о соотношении политики и морали)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается сформулированная Максом Вебером проблема соотношения политики и морали в аспекте напряженного характера их взаимодействия. Показывается значение двух нравственно окрашенных правил: «этики ответственности» и «этики убеждений» для регулирования политических отношений.

The author tackles Max Weber's problem of correlation of politics and morality taking into consideration the tense character of their interaction. The author shows the importance of the two rules of morality — «the ethics of responsibility» and «the ethics of convictions» for the regulation of political relations.

М. Вебер — выдающийся мыслитель второй половины XIX- начала XX вв., творчество которого носит многоплановый характер и представлено в диапазоне широкого круга общественных проблем. Мыслитель хорошо ориентировался в вопросах экономики, социологии, философии, религии, методологии научного познания. Р. Арон имел полное основание сказать о Вебере, что «его творчество, как и всех великих мыслителей, настолько богато..., что каждое новое поколение прочитывает его, изучает и истолковывает по-разному. Его труд возможно уже превзойден, но остается актуальным» [1; 562].

Исследовательскими линиями, детально проработанными в творчестве Вебера, являются также темы политики и соотношения политики и морали. Учитывая